

НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ ИЗЪ ИСТОРИИ НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНІЯ ДУХОВЕНСТВА ОТЪ II ПО VIII ВѢКА¹⁾.

I.

Каково было прежде всего нравственное состояніе духовенства въ II и III вѣкахъ? Предлагая себѣ подобный вопросъ, мы не имѣемъ въ виду входить во всѣ подробности нравственнаго состоянія духовенства; въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы пересказывать цѣлыя біографіи отцевъ и учителей церкви. Намъ кажется, что мы выполнимъ задачу историка, если разрѣшимъ вопросъ: были ли пастыри этого времени достойны своего высокаго назначенія руководить христіанъ въ истинѣ и добрѣ, или же нѣтъ? Въ какихъ болѣе выпуклыхъ историческихъ фактахъ выразилось это? Нравственный идеалъ пастыря II и III вѣка отчасти можно изучать на тѣхъ церковныхъ правилахъ, которыми указывалось, какихъ пастырей община должна была избирать себѣ. Въ извѣстномъ памятникѣ *Ливахѣ* на этотъ счетъ говорится кратко: „избирайте и поставляйте достойныхъ епископовъ и діаконовъ, мужей кроткихъ и не сребролюбивыхъ, истинныхъ и испытанныхъ“²⁾. Подробнѣе предписанія въ такъ называемыхъ *Canones ecclesiastici*, но они тоже общи. Здѣсь выражаются слѣдующія требованія отъ епископа, діакона и даже чтеца—въ большей или меньшей степени „Нужно разузнать, говорится въ этомъ памятникѣ о постановленіи пастырей, удерживаются ли они отъ грѣховъ,

¹⁾ Означенный очеркъ можетъ послужить нѣкоторымъ вразумленіемъ для слишкомъ неумѣренныхъ порицателей современнаго намъ духовенства.

²⁾ XV, 1.

сострадательны ли къ бѣднымъ, честны ли, не пьяницы ли, не блудники ли, не корыстолюбивы ли или не болтуны ли, безпристрастны ли“ ¹⁾ и т. п.

А какимъ долженъ быть пастырь, главнымъ образомъ епископъ, въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ, идеаль этотъ начертанъ въ слѣдующихъ внушительныхъ словахъ Апостольскихъ Постановленій въ древнѣйшей ихъ части. „Епископъ долженъ любить мірянъ, какъ дѣтей, согрѣвая и любя ихъ страстно, какъ яйца, изъ которыхъ должны вывестись цыплята, или держа ихъ въ нѣдрахъ, какъ птенцовъ, изъ которыхъ должны вывестись куры,—всѣхъ научая, всѣхъ, кого только нужно наказывать, бія, но не поражая. Кто изъ мірянъ вслѣдствіе безчувствія и оцѣпенѣнія погрузился въ глубокой (нравственный) сонъ, и по причинѣ тяжести сна забылъ уже о требованіяхъ христіанской жизни, и такъ далеко ушелъ отъ собственнаго стада, что можетъ быть пожранъ волками, того отыскивай, и вразумляя обращай и убѣждай трезвиться и вселяй въ него надежду“. Епископъ долженъ такъ далеко простирать свое попеченіе о спасеніи вѣрующихъ, что „пусть даже онъ усвоитъ себѣ прегрѣшенія другаго и говоритъ ему: ты только обратись, а смерть за тебя возьму я, какъ Господь взялъ смерть за меня и за всѣхъ, ибо пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ. Ты, какъ пастырь любвеобильный и пастухъ усердный, считай стадо, и чего не достаетъ, то разыскивай. Будучи врачомъ церкви Господней, ты употребляй врачеваніе приличное каждому больному, лѣчи всячески и вылѣчивай“ ²⁾.—Теперь спрашивается: отвѣчали ли пастыри церкви II и III вѣка этому идеалу? Мы должны замѣтить, что вообще пастырство этого времени своею ревностію о душевныхъ пользахъ ближняго, объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей народа, своимъ самоотверженіемъ и искренностію представляетъ отрадное явленіе въ церковной исторіи. Особенными достоинствами со стороны нравственнаго характера отличались такіе пастыри,—какъ Игнатій Богоносецъ и Поликарпъ Смирнскій, отпечатлѣвшіе въ своихъ писаніяхъ высокій духъ христіанскій,—какъ Поликратъ Ефесскій, Діонисій Ко-

¹⁾ Harnack. Die Quellen der apostolischen Kirchenordnung. S. 8—9; 12; 17—18; 20—1; 24.

²⁾ Кн. II, гл. 20.

ринескій, Иринеѣ Лионскій, съ полною готовностію и преданностію отдававшіе себя на служеніе церковнымъ интересамъ,—какъ Кипріанъ Карфагенскій и Діонисій Александрійскій, которые жили одною нераздѣльною жизнію съ церковію и доблестно служили своему назначенію. Укажемъ нѣсколько частныхъ примѣровъ, которые бы съ ясностію показывали, какихъ доблестныхъ пастырей имѣла церковь этого времени. Примѣры, на которые мы укажемъ, малоизвѣстны, но зато они внушительны, поучительны и, пожалуй, трогательны. Епископъ Кесаріи палестинской Θεотеκνѣ въ гоненіе Валеріана (Галліена?) заявилъ себя при одномъ случаѣ человѣкомъ, въ высшей степени заботливымъ о твердости вѣры одного изъ своихъ пасомыхъ. Евсевій вотъ какъ рассказываетъ о событіи. Одинъ военачальникъ, именемъ Маринъ, по исповѣданію христіанинъ, долженъ былъ получить за свои военныя заслуги знакъ отличія—виноградную вѣтвь; но какой то завистникъ донесъ на Марина, что тотъ, какъ христіанинъ, не можетъ получать никакихъ отличій. Обвиненный потребованъ былъ на судъ; судьи, узнавъ, что онъ дѣйствительно христіанинъ, дали ему три часа на размышленіе: желаетъ ли онъ оставаться христіаниномъ, или рѣшится отречься отъ Христа, въ первомъ случаѣ ему угрожаетъ казнь. Въ эту-то рѣшительную минуту мѣстный епископъ Θεотеκνѣ является на помощь Марину. Неизвѣстно, какъ узналъ епископъ о случившемся на судѣ съ Мариномъ: отъ другихъ-ли, или самъ былъ здѣсь и узналъ о положеніи его. Какъ бы то ни было, но епископъ не оставилъ безъ благовременной помощи несчастнаго. Онъ вышелъ на встрѣчу Марину, взялъ его за руку, завелъ съ нимъ бесѣду и увлекъ его въ церковь. Здѣсь въ виду святилища, онъ вдругъ откинулъ плащъ у военачальника, и указывая одною рукою на мечъ, висѣвшій при немъ, а другою рукою на Евангеліе, велѣлъ ему выбрать одно изъ двухъ—мечъ или Евангеліе. Маринъ простеръ руку къ Евангелію и тѣмъ далъ знать, что онъ лучше умретъ, чѣмъ оставаясь военачальникомъ, отречется отъ вѣры. Пастырь выполнилъ свой долгъ съ такою предупредительностію, которая справедливо вызываетъ у историка Евсевія полную похвалу ¹⁾. Пред-

¹⁾ Кв. VII, гл. 15.

ставимъ другой примѣръ, рассказанный намъ тѣмъ же Евсевіемъ ¹⁾, примѣръ, показывающій, съ какою необычайною ревностію пастыри тѣхъ временъ заботились о чистотѣ вѣры и правильности религіозныхъ убѣжденій пасомыхъ. Въ Египтѣ въ арсинойскомъ округѣ епископъ Непотъ распространилъ въ обществѣ вѣрующихъ хиліастическія идеи, написалъ въ разъясненіе этого ученія книгу, а потомъ умеръ. Когда стало извѣстно о распространеніи такого ученія Діонисію александрійскому, онъ предпринялъ путешествіе въ арсинойскій округъ. Прибывъ сюда, онъ созываетъ всѣхъ пресвитеровъ и поселянъ, ведетъ съ ними бесѣду. Въ продолженіе трехъ дней разбираетъ съ ними книгу Непота. Внимательно выслушиваетъ возраженія, отвѣчаетъ на нихъ. Въ иныхъ случаяхъ не стыдится соглашаться со спорившими и уступать имъ, когда дѣло касалось вещей несущественныхъ. Такой трехдневный диспутъ архипастыря съ пасомыми имѣлъ самый счастливый успѣхъ: тѣ, кто прежде упорно держались хиліазма, отказались отъ заблужденія, заявивъ Діонисію, что не будутъ впередъ ни держаться, ни защищать, ни проповѣдывать подобнаго ученія. Вотъ примѣръ того, какъ доблестные пастыри первенствующей церкви понимали свои обязанности и какъ старались служить пользѣ своихъ пасомыхъ.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы страницы первоначальной исторіи христіанской церкви всегда повѣствовали объ отрадныхъ явленіяхъ въ сферѣ нравственныхъ отношеній духовенства. Вторая половина III вѣка въ особенности не бѣдна примѣрами пастырей со свойствами предосудительными, пастырей нерадивыхъ, себялюбивыхъ, корыстолюбивыхъ, злохудожныхъ.

Случалось и случалось нерѣдко, что пастыри этого времени мало слѣдовали тѣмъ образцамъ святой ревности, какая отличала пастырей II и начала III вѣка. Уже Кицріанъ, писатель середины III вѣка, въ нерадушныхъ краскахъ рисуетъ пастырей африканской церкви своего времени. „Весьма многіе епископы, жалуется Кицріанъ, переставъ заботиться о Божественномъ, стали заботиться о мірскомъ; оставивши кафедру, покинувши народъ, они скитаются по чужимъ обла-

¹⁾ Кн. VII, гл. 24.

стямъ, стараясь не пропускать торговыхъ дней для корыстной прибыли, и когда братія въ церкви алчутъ—рѣчь идетъ о бѣдныхъ—они, увлекаемые любостыжаніемъ, коварно завладѣваютъ братскими, т. е. церковными, доходами, и давая чаще въ займы, увеличиваютъ свои барыши“. Укоряя ихъ за корыстолюбіе, Кипріанъ вмѣстѣ съ тѣмъ упрекаетъ современныхъ ему африканскихъ священнослужителей и въ другихъ порокахъ, нетерпимыхъ въ предстоятелѣ церкви. „Незамѣтно стало, говоритъ онъ, въ священникахъ искренняго благочестія, въ служителяхъ чистой вѣры, въ дѣлахъ милосердія, въ нравахъ благочинія“¹⁾. Изъ сочиненій того же Кипріана видно, что для иныхъ самое принятіе сана духовнаго было не болѣе, какъ средствомъ проводить жизнь въ довольствѣ и веселіи. Кипріанъ говоритъ: „они (рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ изъ числа епископовъ) ищутъ прибыли, приношеній и корысти, за которыми и ранѣе (до принятія сана) ненасытно гонялись; они жаждутъ и нынѣ пресыщеній и пиршествъ, этимъ весьма ясно показываютъ, что они служатъ не благочестію, а своему чреву и любостыжанію съ постыдною жадностію“²⁾. Примѣры пастырей, не отличавшихся нравственными достоинствами, можно находить въ это время и въ другихъ мѣстахъ. Оригенъ, житель по преимуществу Александріи, безъ сомнѣнія имѣя въ виду нѣкоторыхъ египетскихъ епископовъ и прочій клиръ, говоритъ много непохвального о духовенствѣ своего времени. Онъ находитъ, что церковь была осквернена, какъ оскверненъ былъ храмъ іерусалимскій во времена Христа,—куплею и продажею. Оригенъ усматриваетъ въ духовенствѣ влеченіе къ мірскимъ интересамъ и любовь къ наживѣ. Этотъ писатель говоритъ: „если Христосъ справедливо оплакивалъ Іерусалимъ, то тѣмъ понятнѣе, что Онъ плачетъ о церкви, которая, вмѣсто дома молитвы, превратилась въ разбойничью пещеру вслѣдствіе жадности и роскоши нѣкоторыхъ христіанъ, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, принадлежатъ и главы народа Божія“. Оригенъ призываетъ Христа снова придти и бичемъ своего гнѣва очистить христіанскую цер-

¹⁾ Св. Кипріана. Творенія его въ русск. перев. Томъ 2 (Книга „О Падшихъ“), стр. 151. Кіевъ, 1891.

²⁾ Тамъ же. Томъ 1 (письмо 45), стр. 244. Кіевъ, 1891.

ковъ отъ торжниковъ ¹⁾. Онъ жалуется на развитіе деспотизма въ церкви, ибо епископы перестали быть рабами Христовыми, а сдѣлались въ церкви какъ бы господами. Они забыли заповѣди Христа о снисхожденіи ко всѣмъ, о кротости, съ какою они должны научать противляющихся, о томъ, что они должны поддерживать и ободрять слабыхъ. Далѣе, разбирая изреченіе: „ѣсть и пьетъ съ пьяницами“, онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы обличить духовенство его времени. Онъ говоритъ, что тѣ, кому поручены попеченія о насыщеніи алчущихъ — пастыри — сами пиршествуютъ съ пьяницами и позволяютъ себѣ другое подобное. Оригенъ угрожаетъ такимъ лицамъ страшнымъ судомъ и геенной ²⁾. Тотъ же Оригенъ обличаетъ діаконовъ своего времени за то, что они принимая участіе въ управленіи церковными сокровищами, пользуются этими послѣдними для личной выгоды: въ видахъ собственнаго обогащенія, они отдавали церковныя деньги на проценты, превращаясь въ ростовщиковъ ³⁾. Историкъ Евсевій съ своей стороны дѣлаетъ самый нелестный отзывъ о всѣхъ епископахъ конца III вѣка. Характеризуя это время, онъ говоритъ: „мнимые наши пастыри, презрѣвъ законъ христіанскій, воспламенились взаимными распрями, умножали только одно—раздоры и угрозы, зависть, вражду одинъ противъ другаго и ненависть, и сильно домогались первенства, желая обладать безграничною властію. Впрочемъ не наше дѣло, замѣчаетъ онъ, передавать потомству память о несогласіи пастырей между собою и о постыдныхъ ихъ поступкахъ“ ⁴⁾.—Теперь вопросъ: отчего зависѣла такая порча нравовъ въ духовенствѣ III вѣка? Оставляя до времени болѣе обстоятельныя разъясненія (объ этомъ будетъ рѣчь ниже), въ настоящій разъ лишь замѣтимъ, что главною причиною было то, что въ третьемъ вѣкѣ пастырское служеніе уже перестаетъ быть призваніемъ, а до извѣстной степени дѣлается выгодною профессією....

Частный, но замѣчательный примѣръ испорченности ду-

1) Origenis. In Matth. homil. 16. Edit. Huet. Oper. III, 750. 753.

2) Origenis. In Matth. 61. 62. De la Rue. Vol. III, p. 878. 880.

3) Helle. Das kirchliche Vermögen bis auf Constantin Gr. S. 48. Paderborn. 1878.

4) Церк. исторія, кн. VIII, гл. 1—2.

ховенства III вѣка представляетъ извѣстный Павелъ Самосатскій, епископъ богатой Антиохіи, судимый и осужденный соборомъ епископовъ около 270 года. Окружное посланіе этого собора, сохраненное Евсевіемъ, не находитъ достаточно словъ, чтобы описать всѣ его продерзости. Такъ окружное посланіе въ рѣзкихъ выраженіяхъ описываетъ гордость, кичливость и пышность Павла.—„Онъ высокоумдрствовалъ, говоритъ посланіе, и превозносился, облакаясь въ мірскія отличія; съ какою гордостію окруженный спереди и сзади множествомъ копьеносцевъ, ходилъ онъ по общественнымъ площадямъ“¹⁾. Извѣстно, что Павелъ принялъ на себя въ Антиохіи свѣтскую должность „дуценарія прокуратора“; какъ видно, эта должность до такой степени надмевала Павла, что онъ вовсе забылъ, что будучи епископомъ, онъ долженъ быть украшенъ достоинствами скромности и кротости. Посланіе указываетъ, что самыя церковныя собранія Павелъ превращалъ во что-то въ родѣ театра. Онъ, по словамъ посланія, устроилъ себѣ въ церкви каедрю и высокой престолю, ударялъ себя рукою по бедру, конечно, когда говорилъ проповѣдь, и топалъ ногами на каедрѣ, порицалъ тѣхъ, кто не махали ему платками, какъ на зрѣлищахъ, не вскрикивали и не вскакивали“. Какъ открывается изъ этихъ словъ, Павелъ на богослужебныхъ собраніяхъ держалъ себя не соотвѣтственно своему назначенію, хотя есть основанія полагать, что онъ былъ искуснымъ проповѣдникомъ. Въ посланіи есть также указанія на такія преступленія Павла, которыя съ перваго взгляда представляются непонятными; и только вглядываясь въ тогдашнее состояніе церкви, мы можемъ уяснить себѣ, въ чемъ тутъ дѣло. Такъ здѣсь говорится: „бывъ сперва бѣднымъ, не получивъ никакого имѣнія отъ предковъ и не приобрѣтши его какимъ либо ремесломъ или занятіемъ, нынѣ онъ сдѣлался чрезмѣрно богатъ, посредствомъ противозаконныхъ дѣйствій, святотатства и того, что вынуждалъ отъ братій насиліемъ и угрозами; изгонялъ, говорится далѣе, съ безчестіемъ обиженныхъ или, обѣщая помощь имъ, потомъ обманывалъ ихъ такъ, что истцы оставались безъ выгоды, слѣдовательно—замѣчаетъ посланіе—онъ считалъ вѣру за промыселъ“. Ясно, что здѣсь

¹⁾ Церк. исторія, кн. 7, гл. 30.

идеть рѣчь о какомъ то судѣ, которымъ злоупотреблялъ Павелъ, дѣлая изъ него источникъ корыстолюбивыхъ приобретений; видно, что судъ, о которомъ говоритъ посланіе, имѣлъ характеръ религіозный, потому что въ документѣ замѣчается: Павелъ „вѣру обратилъ въ промыселъ“. Какой же это судъ разумѣется здѣсь? Для разъясненія этого вопроса мы должны войти въ нѣкоторыя подробности касательно правъ, какими въ эпоху гоненій епископы пользовались въ отношеніи къ вѣрующимъ; говоримъ о правахъ епископовъ судить мірянъ въ случаѣ взаимныхъ тяжбъ между послѣдними. Христіане, послѣдуя заповѣди апостола Павла (1 Кор. 6, 1—6), избѣгать судовъ языческихъ, дѣйствительно избѣгали ихъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ судахъ преобладало насиліе надъ совѣстію христіанъ: ихъ заставляли здѣсь приносить языческія жертвы, требуемыя римскою юрисдикціей. Вслѣдствіе этого епископы сдѣлались естественными судьями христіанъ по ихъ дѣламъ тяжбынымъ. Апостольскія Постановленія въ подробности знакомятъ насъ съ этимъ третейскимъ или мировымъ судомъ древней церкви. Отсюда узнаемъ, что между христіанами утвердился обычай обращаться къ своимъ епископамъ, какъ къ старѣйшинамъ и представителямъ въ извѣстномъ мѣстѣ,—обращаться для разрѣшенія своихъ споровъ, исковъ и тяжбъ, такъ что судъ епископскій являлся обыкновеннымъ для всѣхъ болѣе важныхъ случаевъ¹⁾; дѣла менѣе важныя рѣшались пресвитерами и діаконами. Днемъ судебныхъ засѣданій назначенъ былъ второй день недѣли (понедѣльникъ)²⁾, чтобы въ случаѣ безуспѣшности примиренія тяжущихся сторонъ въ этотъ день, оставалось достаточно времени для окончанія тяжбы до наступленія воскреснаго дня, въ который долженъ царствовать миръ и не должно быть мѣста несогласію.—Въ дикастеріи или судебномъ помѣщеніи засѣдалъ епископъ, а также пресвитеры и діаконы, въ качествѣ его помощниковъ. Тяжущіяся стороны являлись предъ судомъ лично, согласно предписанію древняго іудейскаго закона; процессъ былъ состязательный и устный. Судья, епископъ, обязанъ былъ выслушать обѣ стороны, безъ чего приговоръ не могъ состояться. При обвине-

1) Кн. 2, гл. 44—45.

2) Тамъ же, гл. 47.

нѣхъ изслѣдовались степень довѣрія и доброе имя обвинителя въ обществѣ христіанъ. Но одни нравственныя качества истца, какъ бы они высоки ни были, не принимались за достаточное доказательство жалобы; нужно было представить двухъ или трехъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Отъ этихъ свидѣтелей требовалось, чтобы они исполняли свой долгъ безъ гнѣва, скромно и прилично, со страхомъ ответственности предъ Богомъ. Ложные обвинители и клеветники сейчасъ же подвергались наказанію. Язычники не допускались быть свидѣтелями на судѣ епископомъ. Замѣтить еще должно, что прежде осужденія изслѣдовалась жизнь и репутація обвиняемаго. Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ дѣйствій на судѣ, еще до произнесенія приговора, употреблялось посредничество для примиренія сторонъ. Эти обязанности исполняли обыкновенно пресвитеры и діаконы. Въ случаѣ безуспѣшности этого посредничества, епископъ постановлялъ приговоръ, который былъ произносимъ во имя Христа, какъ Верховнаго Судіи ¹⁾. Такимъ-то судомъ епископы судили мірянъ во II и III вѣкѣ. Этому суду подлежало почти рѣшительно все: и прежде всего гражданскіе иски, затѣмъ публичныя и общественныя проступки, какъ напр. убійство, святотатство и пр. Правила Апостольскія знакомятъ насъ съ тѣми наказаніями, какія налагались на виновныхъ въ томъ или другомъ преступленіи ²⁾.—Этимъ-то судомъ, о которомъ мы говорили, и злоупотреблялъ Павелъ Самосатскій. Онъ выгонялъ съ позоромъ изъ дикастеріи, кто не давалъ ему денегъ, взятки; за деньги оправдывалъ виновныхъ и не оказывалъ справедливости потерпѣвшимъ и невиннымъ.

Есть еще другое преступленіе, въ которомъ обвиняется Павелъ Самосатскій и которое безъ комментарія остается тоже неяснымъ. Вотъ это обвиненіе, о которомъ читаемъ въ томъ же посланіи: „мы знаемъ, что епископъ и все духовенство должны служить образцами для народа во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ; но не безызвѣстно намъ, сколь многіе, введши къ себѣ женщинъ, пали или подверглись подзрѣнію. Поэтому, пусть онъ (Павелъ) и не позволятъ себѣ

¹⁾ Апостольск. Постановл., кв. 2, 47—53.

²⁾ Тамъ же, гл. 47. Прав. Апостольск. 66, 67, 72, 84.

ничего непристойнаго, все же надлежало ему бояться происходящаго отсюда подозрѣнія, чтобы кого нибудь не соблазнить или не увлечь къ подражанію. Ибо какъ будешь на мѣстѣ Павла выговаривать и внушать другому, чтобы онъ былъ остороженъ въ обращеніи съ женщиною, да не погибнетъ по Писанію, когда одну уже отпустивъ, имѣешь—рѣчь обращена къ Павлу—еще двухъ цвѣтущихъ и благообразныхъ и влачишь ихъ съ собою, куда ни пойдешь, пируя и пресыщаясь съ ними“. (Евсев. VII, 30). Вопросъ въ томъ, о чемъ здѣсь рѣчь: о прелюбодѣяннн ли Павла, или о чемъ другомъ? Если о прелюбодѣяннн, то почему такъ нерѣшительно и осторожно говорить соборное посланіе? Чтобы понять сущность дѣла, нужно взять во вниманіе особый обычай, возникшій и существовавшій въ древней церкви. Въ древней церкви весьма рано появились представители аскетической жизни; они отправлялись отъ того положенія, что церковь есть тѣло Христово и слѣдовательно члены церкви должны отличаться высшей чистотой, и потому чуждались брака.—Такія возрѣнія встрѣчаются еще въ концѣ I-го вѣка. Такъ возникли аскеты. Но они не остановились на безбрачнн, какъ позднѣйшіе монахи, а хотѣли разыгрывать роль людей высшаго безстрастія. Для этого они брали къ себѣ на житье лицъ женскаго пола и аскетическаго направленія, проводили время вмѣстѣ съ этими послѣдними, желая тѣмъ для себя и для другихъ доказать, что ихъ воля настолько крѣпка и неудобопреклонна ко грѣху, что сожитіе съ лицами другаго пола для нихъ неопасно ¹⁾. Такое сожитіе аскеты называли *духовнымъ бракомъ*. Другіе изъ аскетовъ брали къ себѣ на житье лицъ другаго пола подъ предлогомъ болѣе простымъ и, повидимому, невиннымъ: они говорили, что ихъ домашнія дѣла не могутъ идти правильно безъ женскаго присмотра и заводили себѣ, какъ они выра-

¹⁾ „Мы хотимъ побѣдить діавола и собственные влеченія“, надменно разсуждали эти аскеты (изъ одного арабскаго церковнаго правила). Въ объясненіе этого явления могутъ сказать и говорить: „сильныя религіозныя движенія заставляютъ забывать ограниченность человѣческой природы и играть опасностями, предъ которыми въ другихъ случаяхъ обыкновенно отступаютъ. Считали дѣломъ несомнѣннымъ, что каждый христіанинъ въ состояніи побѣдить міръ и его страсти“... Achelis. *Virgines subintroductae. Ein Beitrag zu 1 Kor. VII Kapit. S. 57. 74. Leipzig, 1902.*

жались, *супругъ по духу*. Замѣчательно, извѣстный Тертуліанъ нѣсколько не порицаетъ этого сейчасъ указаннаго обыкновенія. „Бери себѣ духовную супругу“—говоритъ онъ, но прибавляетъ: „пусть это будетъ лучше вдова, которой красота въ вѣрѣ, приданое въ бѣдности и родовитость въ возрастѣ“. Другими словами: это должна быть вдова пожилая. „Вотъ прекрасный (духовный) бракъ“, восклицаетъ Тертуліанъ; „такихъ женъ можно имѣть даже нѣсколько, замѣчаетъ Тертуліанъ, и сіе пріятно Богу“ ¹⁾. Такъ рассуждалъ карфагенскій учитель. Но бѣда въ томъ, что аскеты старались брать себѣ подругъ не постарѣе, а помоложе, и не чуждались того, чтобы имѣть нѣсколько такихъ подругъ. Такія лица женскаго пола имѣли различныя наименованія, ихъ называли: *γυναικες συνειβαχτοι* ²⁾, (т. е. женщины сводныя, по-латыни—*subintroductae*, а также *ἀγαπηται, ἀδελφαι*, или *sorores*; самихъ мужчинъ, сожительствующихъ такъ, чаще всего называли: *ἄνδρες συνειβαχτοι*. Указанный обычай встрѣчался и среди еретиковъ, напр. Валентиніанъ, и среди церкви.—Разсмотримъ, въ чемъ выражалось сожитіе аскетовъ съ ихъ духовными подругами—субинтродуктами и къ какимъ слѣдствіямъ вело.

Одинъ изъ раннихъ примѣровъ близкихъ отношеній лицъ аскетическаго направленія, обоюго пола, приводится въ извѣстной книгѣ Ермъ, написанной около середины II вѣка. Въ этой книгѣ, въ отдѣленіи „Подобія“, ведется аллегорическій рассказъ о построеніи таинственной башни, въ какомъ дѣлѣ, по рассказу памятника, участвовали пастырь, далѣе самъ Ермъ и дѣвы. Однажды, такъ рассказываетъ авторъ, по окончаніи нѣкоторыхъ работъ въ башнѣ, пастырь сталъ уходить, Ермъ—тоже было хотѣлъ уйти съ нимъ. Но пастырь сказалъ ему: „не уходи, подожди, пока я приду“. Ермъ на это сказалъ: „господинъ, что я буду здѣсь одинъ дѣлать“. „Ты не одинъ“, отвѣчалъ онъ, „всѣ дѣвы съ тобою“. „Господинъ, сказалъ Ермъ, передай имъ меня“. И онъ позвалъ ихъ и сказалъ: „поручаю вамъ его, пока приду“.

¹⁾ Tertulliani. De exhort. Cast., cap. 12.

²⁾ Наименованіе это имѣетъ постыдный смыслъ; таковымъ хотѣли бичевать двусмысленность явленія. Оно стало извѣстно со временъ Павла Самосатскаго и придумано антиохійцами, всегда отличавшимися ядовитостью языка. (Achelis. Virgines subintroductae, S. 11, 69).

Итакъ, я остался одинъ съ тѣми дѣвами, и онѣ были веселы и ласковы со мною, особенно четыре, красивѣйшія изъ нихъ. „Что-же я буду дѣлать“, сказала я себѣ. „Буду дожидаться пастыря до вечера, и если онъ не придетъ, пойду домой“. Дѣвы отвѣчали мнѣ: „ты намъ препорученъ и не можешь уйти отъ насъ“. Я сказалъ: „гдѣ же я останусь?“ „Съ нами, говорятъ онѣ, будешь спать, какъ братъ, а не какъ мужъ, ибо ты братъ нашъ, и послѣ мы будемъ жить съ тобою, потому что очень тебя полюбили“. Мнѣ же стыдно было оставаться съ ними, говорить про себя Ермъ. Но та, которая изъ нихъ казалась первою, обняла меня и начала цѣловать. И другія, увидѣвши, что она обняла меня, сами начали цѣловать меня и играть со мною. Нѣкоторыя изъ нихъ пѣли и водили хороводы. А я молча, но радостно ходилъ съ ними, и казалось мнѣ, что я помолодѣлъ. Наступилъ вечеръ, и я хотѣлъ уйти домой, но онѣ удержали меня. Итакъ, я пробылъ съ ними эту ночь около башни. Онѣ разослали на землю свои туники и помѣстили меня въ серединкѣ. Наступилъ слѣдующій день. Пришелъ опять пастырь и говоритъ дѣвамъ: „вы не сдѣлали ему никакой обиды“? (признаюсь, вопросъ нѣсколько неожиданный). Онѣ же сказали въ отвѣтъ: „спроси его самого“. „Господинъ, сказалъ Ермъ, я получилъ великое удовольствіе отъ того, что остался съ ними“¹⁾. Вотъ болѣе ранній примѣръ идиллическаго обращенія аскета съ дѣвами. Очевидно здѣсь начертанъ образецъ, какъ должны жить аскеты съ дѣвами, которыя находились съ ними въ духовномъ бракѣ. Но само по себѣ понятно, что идиллія не долго удержалась, и ее смѣнило нѣчто другое. Сказанный обычай привился въ церкви, и конечно не могъ вести ни къ чему хорошему: „огнемъ не шутятъ“. Уже во времена Тертуліана встрѣчались случаи прискорбные, рекомендующіе съ дурной стороны разсматриваемый обычай. Латинскій писатель кратко въ своихъ извѣстіяхъ; онъ ограничивается замѣчаніемъ: „легко наши братія принимаютъ къ себѣ дѣвъ, и эти дѣвы не только сами падаютъ, но и увлекаютъ другихъ въ грѣхи. Впрочемъ, онѣ не сознаются въ этомъ, если плачь собственныхъ ихъ дѣтей

¹⁾ Подобіе (Simil.), IX, гл. 10—11.

не выдаетъ ихъ“¹⁾. Больше подробностей находимъ въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ, напримѣръ, въ памятникѣ (письма), подъ заглавіемъ: *De Virginitate* и въ сочиненіяхъ св. Кипріана.

Сочиненіе *De Virginitate* прежде приписывалось Клименту Римскому, но теперь считается произведеніемъ неизвѣстнаго автора, появившимся между временами Тертулліана и Кипріана, вообще въ III-мъ вѣкѣ. Въ этомъ произведеніи говорится: „нѣкоторые, лишеныя стыда, люди, подъ предлогомъ благочестія живутъ вмѣстѣ съ дѣвами и подвергаютъ себя опасности; или же на-единѣ съ ними ходятъ по дорогамъ и уединеннымъ мѣстамъ, избирая для себя стезю, переполненную опасностей, искушеній, ловушекъ и рытвинъ. Иные изъ такихъ мужчинъ ѣдятъ и пьютъ съ дѣвами на ложахъ,—т. е. на такихъ ложахъ, на которыхъ помѣщались въ древности для обѣда,—ѣдятъ и пьютъ такъ съ дѣвами и дѣвственницами, посвященными Богу, разрѣшая себѣ все, начиная отъ позволительной шаловливости до великаго безобразія. Всего этого, говоритъ въ заключеніе памятникъ, не должно быть среди вѣрующихъ и меньше всего между аскетами, избравшими дѣвственную жизнь“²⁾. Ясное дѣло, что по свидѣтельству этого памятника, сожитіе аскетовъ съ субинтродуктами начинаетъ принимать весьма зазорный характеръ. Еще большими скандалами сопровождалось подобное сожитіе по извѣстіямъ Кипріана Карфагенскаго. Читая творенія Кипріана, приходишь въ истинное изумленіе: какъ, неужели это онъ говоритъ о христіанскихъ аскетахъ? Неужели до этого могли доходить посвятившія себя Богу дѣвственницы, которыя считали себя невѣстами Христовыми? Но послушаемъ, что говоритъ Кипріанъ. „Узнали мы, что дѣвы, рѣшившіяся ненарушимо хранить свое цѣломудріе, позволяютъ себѣ не только жить въ одномъ домѣ съ мужчинами (аскетами), но и спать вмѣстѣ съ ними на одной и той же постелѣ, и не довольствуясь этимъ, лежа на одной постелѣ, они ведутъ интимныя бесѣды, цѣлуются, обнимаются. О гнусный, отвратительный ихъ сонъ!“³⁾ восклицаетъ св.

¹⁾ Tertulliani. *De virg. veland.*, cap. 14.

²⁾ *De virg.* I, 10 (Cf. Harnack. *Die Lehre der 12 Apostel.* S. 130. Leipzig, 1884).

³⁾ Творенія св. Кипріана, Т. I (письмо къ Помпонію), стр. 104 — 105.

отецъ. Киприанъ раздражается громкими неумолчными упреками противъ такого позорнаго сожительства аскетовъ съ субъинтродуктами. Карѳагенскій пастырь прежде всего констатируетъ фактъ, что дѣло не ограничивалось у нихъ простымъ совозлежаніемъ и поцѣлуями... нѣтъ, дѣло доходило дальше. Но предоставимъ слово Киприану: „и какъ тяжко падаютъ отъ того многіе, какъ много дѣвъ, къ величайшему прискорбію нашему, мы видимъ сдѣлавшимися преступными отъ такихъ соблазнительныхъ и пагубныхъ связей“¹⁾. Послѣ этого понятно, что Киприанъ не находитъ достаточно словъ, чтобы заклеить позоромъ указанное преступленіе. „Если не хотятъ и не могутъ хранить цѣломудрія, говоритъ онъ, то лучше пусть вступаютъ въ бракъ, чѣмъ заслуживать адскій огонь своимъ преступленіемъ. Еслибы мужъ нечаянно засталъ жену свою на ложѣ съ другимъ, то не воспылали ли бы онъ чувствомъ гнѣва и въ пылу ревности не взялся ли бы даже за мечъ? Что-же? Не болѣе ли прогнѣвается и Христосъ, нашъ Судія, когда дѣву, посвятившую себя Ему, увидитъ на одномъ ложѣ съ другимъ?“²⁾ Киприанъ отдалъ слѣдующее приказаніе: „воспретить дѣвамъ жить въ одномъ домѣ съ мужчинами (аскетами), и не только вмѣстѣ спать, но и жить вмѣстѣ“. Приказаніе это исполнило аскетовъ и сожительствовающихъ съ ними дѣвъ — и особенно послѣднихъ. Дѣвы, въ чувствѣ негодования на подозрительность святителя, заявляли, что онѣ не заслуживаютъ преслѣдованія, что онѣ хранятъ себя невинными. И наконецъ, объявляли: если епископъ не вѣритъ имъ, то онѣ готовы подвергнуться освидѣтельствуванію со стороны акушерокъ. Киприанъ однако не смущался такимъ горячимъ протестомъ субъинтродуктъ. Согласно желанію подозрѣваемыхъ дѣвъ, Киприанъ приказалъ акушеркамъ произвести медицинское освидѣтельствованіе карѳагенскихъ дѣвственницъ³⁾. Ничего не извѣстно о результатѣ этого акушерскаго осмотра; а извѣстно однакожъ, что Карѳагенскій архипастырь не слишкомъ - то довѣрялъ медицинскимъ позна-

Этотъ Помпоній былъ епископомъ одного города, подчиненнаго власти Карѳагенскаго іерарха.

¹⁾ Тамъ же, стр. 105.

²⁾ Стр. 105—106.

³⁾ Тамъ же. 106.

ніямъ акушерокъ. Онъ говорилъ: „пустъ никто изъ дѣвъ не говорить, что ее легко можетъ освидѣтельствовать акушерка и удостовѣрить ея невинность. Развѣ глазъ и рука акушерки не могутъ ошибаться?—замѣчаетъ онъ. Да если-бы и найдено было, прибавляетъ онъ, что дѣва осталась непоругана въ отношеніи къ той части ея тѣла, по которой она считается женщиной, то вѣдь, можетъ быть, она запятнала грѣхомъ другую часть тѣла, которая хотя и сохранилась въ цѣлости, но однакожь это запятнаніе остается не примѣтнымъ для глаза“ (что хочетъ выразить этимъ Кипріанъ—сказать не умѣю) ¹⁾. Вообще Кипріанъ сталъ зорко смотрѣть за жизнью и поведеніемъ дѣвственницъ. Разсматриваемый обычай тѣмъ болѣе озабочивалъ Кипріана, что и лица почетныя въ церкви, каковы, наприм., исповѣдники и даже лица духовныя, обзавелись субинтродуктами. Говоримъ: и лица духовныя. Для ясности нашей рѣчи нужно помнить, что не только епископовъ, но и священниковъ и діаконовъ — женатыхъ въ то время было очень мало. Безженство преобладало. Вообще духовенство тогда относилось къ разряду аскетовъ. Что касается интересующаго насъ вопроса, то при одномъ случаѣ Кипріанъ такъ говоритъ объ исповѣдникахъ: „исповѣдники, ставшіе преимущественнымъ храмомъ Божиимъ, много скверняютъ себя постыднымъ соволежаніемъ съ женщинами, имѣя общія съ ними постели“ ²⁾. Повторяемъ: во времена Кипріана и лица духовныя заводили себѣ духовныхъ подругъ; это извѣстно о нѣкоторыхъ карагенскихъ священникахъ и въ особенности діаконахъ, которыхъ строго обличаетъ Кипріанъ ³⁾. Тотъ же Кипріанъ налагаетъ разнаго рода церковныя наказанія на дѣвъ, соглашавшихся на подобное сожитіе. Но можно думать, что прещенія Кипріана имѣли только относительный успѣхъ, какъ это можно заключать изъ того, что иногда онъ упоминаетъ о лицахъ упорныхъ, не слушающихся его распоряженій въ разсматриваемомъ родѣ ⁴⁾.—Само собою понятно,

¹⁾ Въ томъ же письмѣ св. Кипріана къ Помпонію, но только это мѣсто почему-то опущено въ русскомъ переводѣ и замѣнено многоточіемъ.

²⁾ Творен. Т. I, (письмо къ Рогаціону и прочимъ исповѣдникамъ) стр. 170—171.

³⁾ Т. I, стр. 104. 106.

⁴⁾ Св. Кипріана. Т. I, стр. 107.

зачѣмъ мы вели эту не краткую рѣчь о субъинтродуктахъ и ихъ сожителяхъ. Затѣмъ, чтобы дать знать, что тѣ цвѣтушія и благообразныя дѣвы, съ которыми жилъ Павелъ Самосатскій, съ которыми онъ пиршествовалъ и о которыхъ говоритъ соборное посланіе Антиохійское, суть именно субъинтродукты, появленіе которыхъ относится ко временамъ довольно отдаленнымъ отъ эпохи Павла Самосатскаго. Въ разсматриваемомъ посланіи эти дѣвы прямо и названы: *υπηλαγες ουνειβαχτοι* или по-латыни—*subintroductae*. Посланіе потому не слишкомъ строго относится за это къ Павлу ¹⁾, что вѣроятно на Востокѣ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ этотъ послѣдній, обычай былъ очень распространенъ и притомъ нѣкоторыми считался за обычай достойный уваженія. Что на христіанскомъ Востокѣ во времена Павла не было недостатка въ аскетахъ, проживавшихъ вмѣстѣ съ субъинтродуктами, это доказать не трудно. По крайней мѣрѣ исторія встрѣчаетъ это явленіе въ III вѣкѣ въ Египтѣ. Изъ числа послѣдователей ученія Оригена выдѣлилась между прочимъ секта Іеракитовъ, названныхъ такъ по имени ея основателя Іерака. Іеракиты, повидимому, всѣ поголовно имѣли субъинтродуктъ. Епифаній Кипрскій говоритъ: „совершенно смѣшны Іеракиты тѣмъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ женщину для сожителства (субъинтродукту), а между тѣмъ обыкновенно старается доказать, что будто имѣетъ ихъ для завѣдыванія хозяйствомъ“ ²⁾.

Чтобы впослѣдствіи не возвращаться къ вопросу о субъинтродуктахъ, сообщимъ свѣдѣнія о томъ, какъ шло дѣло это въ позднѣйшія времена — причемъ будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ отношеніе клира къ обычаю содержать субъинтродуктъ. Субъинтродуктъ, стоявшихъ въ свя-

¹⁾ Посланіе говоритъ: „дусть онъ (Павелъ) и не позволялъ себѣ ничего непристойнаго“ въ данномъ отношеніи. До извѣстной степени сдержанно относится къ виновнымъ и самъ Кипріанъ; онъ говоритъ: „въ настоящемъ случаѣ нѣкоторые изъ братьевъ нашихъ будутъ огорчены нами“ (Т. I, 108). Нужно вообще помнить, что нравы въ древности были проще, и на многое смотрѣли снисходительнѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Наприм., въ III вѣкѣ общественыя бани были общими для лицъ обоого пола; и св. Кипріанъ, запрещая посѣщать ихъ христіанскимъ дѣвственницамъ, не налагаетъ подобнаго же запрещенія на христіанскихъ женщинъ (Кипріана. Творенія. Т. II, 141—Книга объ одеждѣ дѣвственницъ). Кіевъ, 1891.

²⁾ Творенія Епифанія въ рус. пер. Т. IV („Ересь“ 47), стр. 90.

зяхъ съ клириками, въ IV вѣкѣ встрѣчаемъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Итакъ, что видимъ на Востокѣ въ IV вѣкѣ? Первое извѣстіе, касающееся нашего вопроса, находимъ въ правилахъ Анкирскаго собора 314 года. Здѣсь въ 19-омъ правилѣ читаемъ: „сходиться двѣмъ съ кѣмъ либо, какъ съ братьями, мы воспрещаемъ“. Еще важнѣе и содержательнѣе третье правило I-го вселенск. собора. Здѣсь читаемъ: „великій соборъ рѣшительно опредѣлилъ, чтобы ни епископу, ни пресвитеру, ни діакону и вообще никому изъ состоящихъ въ клирѣ не дозволялось имѣть въ домѣ сожительствующую женщину (по гречески *συνεμβαλλον*), исключая развѣ такихъ лицъ, которыя свободны отъ всякаго подозрѣнія (напр. мать, сестра). Поступающія вопреки этому правилу подвергаются опасности лишенія сана“. Въ правилѣ рѣчь идетъ исключительно о лицахъ духовнаго званія: у отцевъ собора, очевидно, были достаточныя основанія постановить это строгое опредѣленіе. Есть и у писателей церковныхъ IV вѣка указанія на существованіе въ это время на Востокѣ обычая совмѣстнаго сожительства мужчинъ аскетическаго направленія съ духовными подругами. Объ этомъ находимъ свидѣтельства у Епифанія Кирскаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго. По словамъ перваго, въ его время какіе-то оригенисты, опираясь на какія-то апокрифическія книги и въ особенности на „дѣянія“ Андрея, и сожителствуя съ субъинтродуктами, „обвиняли въ томъ же и лицъ, принадлежавшихъ къ церкви, которые имѣютъ возлюбленныхъ, такъ называемыхъ синисактъ“¹⁾. Обстоятельнѣе о томъ же явленіи говоритъ Григорій Богословъ. Обращая свои рѣчи противъ мужчинъ-сожителей, онъ пишетъ: „какъ ты, хотя еще молодъ и плоть у тебя шире, чѣмъ у слона, при всемъ этомъ покоишь себя, какъ чловѣкъ, достигшій чистоты и духовно возлюбившій свою возлюбленную? Не безопасенъ огонь возлѣ соломы. Не безопасно и тебѣ подъ однимъ съ собою кровомъ держать жену-дѣвственницу. Положимъ, что надежда будущихъ благъ разлучила между собою мужчину и женщину, но природа скрываетъ въ себѣ еще тайный недугъ. Этихъ, какъ ихъ называютъ, сожителствующихъ, не знаю, куда и причислить? Признать ли, что они сопряжены

1) Творенія его. Томъ III, стр. 75 („Ересь 43 (63), гл. 2).

бракомъ, или назвать безбрачными, или оставить для нихъ какую-то средину“? Св. отецъ называетъ ихъ сожителство „безбрачнымъ бракомъ“ (*ἀγαμοῦ γάμοῦ*) и продолжаетъ: „что же полагаешь, подумаютъ о тебѣ живущіе нечисто? Ты чистъ, ты чище золота (по твоимъ словамъ); однако-же мнѣ больно видѣть, что тѣломъ и очами предашь ты своей возлюбленной. Какъ трудно при плотскомъ сближеніи избѣжать плотскихъ возстаній! Скажу вотъ что: исчезните вы, язва для христіанъ, исчезните вы, старающіеся прикрыть неистовое влеченіе естества! Прочь отъ меня тотъ, кто беретъ къ себѣ въ домъ для жительства дѣву, (мнимую) собесѣдницу безплотныхъ ангеловъ“ ¹⁾. Остается привести свидѣтельство Григорія Нисскаго. „Мы знали такихъ, говоритъ онъ, кои заботясь о безбрачїи только по имени, ни въ чемъ не отличаются отъ ведущихъ жизнь брачную; не только доставляютъ удовольствіе своему чреву, но даже открыто живутъ вмѣстѣ съ женщинами, именуя это сожителство братствомъ, чтобы подъ этимъ честнымъ именемъ скрыть свою склонность къ худому“ ²⁾. На Западѣ въ IV вѣкѣ историкъ встрѣчаетъ тоже явленіе. Вотъ доказательства. Одинъ изъ соборовъ Карфагенскихъ середины IV вѣка запрещаетъ духовнымъ особамъ, вдовцамъ и другимъ мужчинамъ проводить совмѣстную жизнь съ монахинями, вдовами и другими лицами женскаго пола. Рѣчь идетъ о разсматриваемомъ нами обычаѣ ³⁾. Приведемъ еще тираду изъ анонимнаго латинскаго сочиненія, относимаго ко второй половинѣ IV вѣка, подъ заглавіемъ: *De singularitate clericorum*, т. е. „О жизни одинокихъ клириковъ“. Ясно, что сочиненіе говоритъ о духовенствѣ. Здѣсь любовь (*caritas*), какъ олицетворенное существо, разсуждаетъ объ истинной и неистинной любви, и возглашаетъ: „подъ предлогомъ любви, прикрываясь этимъ благимъ именемъ, совершаютъ явное безобразіе; у нѣкоторыхъ ложная любовь позоритъ любовь истинную. Но истинная любовь вопіетъ противъ такого извращенія. „Я, говоритъ о себѣ истинная любовь,—я не соединяла таковыхъ; есть дру-

¹⁾ Творенія его. Т. V, стр. 110—113. М. 1847.

²⁾ Творенія Григ. Нисскаго, въ рус. пер. Т. VII, стр. 388 („О дѣвствѣ“, гл. 23).

³⁾ Hefele. Conciliengeschichte. Band. I. S. 633 Freiburg, 1873.

гая, фальшивая любовь, которая только поддѣлывается подъ мой образъ. Никогда я не противлюсь заповѣдямъ Божиимъ, я не желаю, чтобы чрезъ меня позорилась святость. На меня взводитъ клевету извращенная любовь.—Среди лицемѣрныхъ братья я подвергаюсь опасностямъ. Они, т. е. лицемѣрные братья, говорятъ, что ихъ любовь—тоже любовь. Нѣтъ, эта любовь ненавистная! Нѣтъ, это — такая любовь, которая хочетъ хвалиться срамомъ. Дивное дѣло, эта любовь заставляетъ, чтобы дѣвѣ считали какъ бы супругами и въ тоже время уважали ихъ, какъ бы они были дѣвственницами“ ¹⁾.— Въ жизни и нравахъ аскетовъ и клириковъ, имѣвшихъ субъинтродуктъ, въ IV в. произошли нѣкоторыя измѣненія въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, которыя показываютъ, что рассматриваемый обычай, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше извращался. Клирики и аскеты, имѣя сожительницами дѣвѣ (субъинтродуктъ), въ свое оправданіе приводили въ высшей степени кощунственное объясненіе. Они говорили, что они поступаютъ по одному евангельскому примѣру, именно, что будто бы они въ этомъ случаѣ подражаютъ примѣру Іоанна Богослова, который по приказанію распятаго Іисуса принялъ Его Богоматерь—Дѣву—въ свой домъ ²⁾. Вотъ замѣчательный образчикъ софистики порока! Жизнь нѣкоторыхъ изъ этихъ сожителействующихъ представляла собой какую-то клоаку. Епифаній Кипрскій описываетъ какихъ-то оригенистовъ, процвѣтавшихъ въ его время и имѣвшихъ сожительство съ субъинтродуктами. Сознаемся, что описаніе Епифанія приличнѣе было бы изучать психіатру, чѣмъ историку. Вотъ нѣсколько чертъ изъ повѣствованія Епифанія: „нѣкоторые еретики называются орегени-

¹⁾ *Heinichen*. Commentarii in Eusebii historiam, p. 719. Lipsiae, 1870.— Авторъ сочиненія: De singul. clericorum, принимая на себя борьбу съ рассматриваемымъ нами сожитіемъ мужчинъ съ дѣвственницами, прибѣгаетъ для достиженія цѣли къ очень различнымъ средствамъ — и къ увѣщанію, и къ угрозамъ, и къ просьбамъ, и къ приказаніямъ. Изъ этого сочиненія видно, что съ субъинтродуктами жили и клирики, и аскеты-міряне. Авторъ, сообразно обстоятельствамъ времени, направляетъ свою рѣчь противъ клириковъ, ибо въ это время въ особенности заботились о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ хоть духовныхъ лицъ устранить отъ непригляднаго сожительства. Обстоятельный анализъ сочиненія; De sing cleric. у *Achelis'a*. S. 36—42

²⁾ Св. Епифанія. Творенія. Т. V, стр. 251 („Ересь“ 58, гл. 10).

стами. Они оскверняютъ развратомъ и тѣло свое, и умъ, и душу, они не знаютъ границъ въ сладострастіи. Нѣкоторые изъ нихъ по виду монашествующіе, а живущія съ ними женщины на видъ будто монахини. Тѣло у нихъ истощенное. Удовлетворяя своей похоти, выражусь скромнѣе, говоритъ писатель, они совершаютъ дѣло сына Іудина Авнана. Ибо какъ онъ, когда тѣломъ соприкасался Ѡамари и удовлетворялъ похоти, не дѣлалъ надлежащаго для произведенія потомства, но совершалъ грѣхъ противъ самого себя; такъ и они, сожительствовающіе съ дѣвами, пользуются мнимыми женами, совершая это незаконное дѣло. Они заботятся о томъ, чтобы женщина отъ растлѣнія не сдѣлалась беременною, (вотъ послѣдователи такъ называемаго полумалтузіанизма въ IV вѣкѣ!) или чтобы ихъ не уличили люди; они хотятъ быть въ чести за подвигъ цѣломудрія,—и однакожь—вотъ что дѣлаютъ“. Епифаній далѣе намекаетъ, что нѣчто подобное совершалось не у однихъ еретиковъ - оригенистовъ, но и среди церковнаго братства. Онъ продолжаетъ: оригенисты „часто хвалились тѣмъ, что они не таятся съ своими дѣянїями, между тѣмъ обвиняютъ тѣхъ изъ принадлежащихъ къ церкви, которые имѣютъ возлюбленныхъ, такъ называемыхъ синисактъ, обвиняютъ за то, что будто и они совершаютъ это-же, но тайно, стыдятся людей, такъ какъ желали украшаться честнымъ именемъ“. 1) —Приведемъ нѣкоторые отдѣльные примѣры лицъ сожительствовавшихъ въ IV вѣкѣ съ субъинтродуктами; примѣры эти, конечно, заимствуемъ изъ исторїи духовенства. Феодоритъ рассказывая исторїю аріанскаго епископа антїохійскаго Леонтїя, говоритъ, что будучи священникомъ, онъ держалъ у себя молодую женщину Евстолю въ качествѣ субъинтродукты. И когда ему запрещали держать ее у себя, то Леонтїй, не желая расставаться съ ней, взялъ оскопился и все-таки продолжалъ жить подъ одной кровлей съ Евстолей 2). Другой примѣръ представляетъ собою какой-то пресвитеръ, къ которому Василїй Великій написалъ посланіе, получившее значеніе каноническое. Василїй Великій узналъ отъ подвѣдомаго ему хорепископа, что одинъ пресвитеръ, Григорїй, живетъ вмѣ-

1) Епифанїя. Т. III, стр. 73—75 („Ересь“, 43, гл. 1).

2) Церковн. исторїя, кн. II, гл. 24.

стѣ съ женщиной на правахъ подвижающихся въ дѣвствѣ. Онъ сильно обличаетъ этого пресвитера и пишетъ ему: „если кто представляя себя дѣвственникомъ по имени, на дѣлѣ такъ же живетъ, какъ и живущіе съ женами, тотъ показываетъ собой, что домогается достоинства дѣвства въ имени, но безобразія сладострастія не оставилъ“. Святитель приказалъ Григорію отпустить женщину, а въ прислугу себѣ взять мужчину. Василій грозилъ преступнику: если онъ не исправится и будетъ продолжать священнодѣйствовать, то будетъ преданъ анаемѣ предъ всѣмъ народомъ. Требованіе Василя повергло пресвитера въ большую печаль. Онъ писалъ длинное письмо Василю, въ которомъ жаловался на хорепископа, обвиняя его въ доносѣ по злобѣ, не шадилъ даже Василя, указывая, что онъ открываетъ слухъ для ябеды. Очевидно Григорію не хотѣлось раставаться съ своею возлюбленною (*ἀγαπητή*) ¹⁾. Чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно. Но самый соблазнительный примѣръ въ подобномъ родѣ указываетъ опять-таки Епифаній. Разказавъ объ оригенистахъ, осквернявшихъ себя съ женщинами грѣхомъ Авнана, онъ пишетъ затѣмъ: „въ числѣ таковыхъ выставляли на видъ имя одного епископа извѣстнаго исповѣдничествомъ, довольно лѣтъ проходившаго епископскую должность въ одномъ городкѣ Палестины“. Епифаній не зналъ, какъ относиться къ этому слуху; совокупность же обстоятельствъ, „побуждала его, по его словамъ, то вѣрить, то не вѣрить дурной молвѣ о преждеупомянутомъ старцѣ — епископѣ“ ²⁾.— При ознакомленіи съ фактами этого своеобразнаго аскетизма, невольно приходитъ на мысль изреченіе: гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно!

Зло къ концу IV вѣка настолько усилилось, что лучшіе пастыри церкви вынуждены были выступить съ грознымъ публичнымъ проповѣдническимъ словомъ противъ нравственнаго растлѣнія, — растлѣнія, прикрывавшагося именемъ подвижничества. Разумѣемъ Іоанна Златоуста, который вынужденъ былъ произнести двѣ длинныхъ и суровыхъ проповѣди въ Константинополѣ противъ живущихъ съ сводными женщинами и противъ этихъ женщинъ ³⁾.

¹⁾ 88 правило Василя Велик. (Посланіе къ Григорію пресвитеру).

²⁾ Творенія. Т. III, стр. 75 (Ересь. 43).

³⁾ Древніе расходятся во мнѣніяхъ о томъ, гдѣ произнесены эти про-

Полагаютъ, что эти проповѣди имѣютъ въ виду константинопольское духовенство. Дѣйствительно, содержаніе этихъ проповѣдей показываетъ, что по-преимуществу обличенія направлялись противъ лицъ духовныхъ ¹⁾. Это, конечно, предполагаетъ, что лица духовныя того времени были большею частію холостыми, но такъ это и дѣйствительно было въ болѣе древнія времена церкви. Поводомъ къ указанному сближенію во времена Златоуста дѣвы выставляли то, что не имѣя отца или брата, онѣ нуждаются въ покровителѣ, почему и живутъ съ какимъ либо мужчиной ²⁾. Мужчина, съ своей стороны, оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ желалъ бы приносить кому вибудь пользу и помощь, почему и выбираетъ для этого слабую женщину, и ради трудовъ своихъ ждетъ награды на небесахъ. Дѣвы, вступившія въ сожитіе съ мужчинами, часто были лицами состоятельными, и тогда на долю мужчины выпадала задача смотрѣть за имуществомъ, надзирать за домомъ, за прислугой ⁴⁾,—вообще вести всѣ дѣла. Дѣвы, сожительствующія съ мужчинами, если онѣ были бѣдны, наблюдали за бюджетомъ мужчинъ, шили одежду, постилали постель, накрывали на столъ, зажигали свѣчу, омывали имъ ноги и доставляли прочія удобства ⁵⁾. Мужчины были очень предупредительны къ своимъ духовнымъ подругамъ. Если онѣ, подруги, приходили въ церковь, то ихъ духовные братья со всѣхъ ногъ бросались имъ на встрѣчу,

повѣди—въ Константинополѣ или въ Антиохіи. Въ пользу перваго мнѣнія высказывается Палладій, біографъ Златоуста, а въ пользу втораго—историкъ Сократъ. Изъ новѣйшихъ писателей раздѣляютъ мнѣніе Палладія Филаретъ Черниговскій и проф. Лопухинъ, написавшій жизнь Златоуста въ качествѣ введенія къ новому изданію твореній этого отца въ русскомъ переводѣ. Мнѣніе это заслуживаетъ предпочтенія, ибо невѣроятно, чтобы Златоустъ позволилъ себѣ проанести такія рѣзкія поученія въ Антиохіи, гдѣ онъ былъ лишь пресвитеромъ...

¹⁾ Въ этомъ впрочемъ почти никто и не сомнѣвается. (Наприм., Альцогъ, Тьерри, Лопухинъ и др.)

²⁾ Твор. Св. Златоуста въ рус. переводѣ („Слово къ жившимъ вмѣстѣ съ дѣвственницами“ и: „Слово къ дѣвственницамъ, жившимъ вмѣстѣ съ мужчинами“). Томъ I, стр. 254. СПб. 1895. (Эти „слова“ Aschelis, вѣроятно въ виду ихъ рѣзкаго тона, считаетъ не проповѣдями, а посланіями (S. 52).

³⁾ Тамъ же, стр. 278.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 260 и друг.

⁵⁾ Тамъ же, 261.

подобно евнухамъ расталкивали для нихъ толпу народа въ храмѣ; въ церкви, даже въ самые знаменательные моменты богослуженія, старались всячески угождать имъ, оказывая имъ множество мелкихъ услугъ ¹⁾. Обыкновенно мужчины выбирали себѣ подругъ молодыхъ и красивыхъ ²⁾. Это само собою условливало множество приключеній самого интимнаго свойства. Оставаясь дома съ глаза на глазъ сожители позволяли себѣ поцѣлуніи и объятія ³⁾; проводили время въ пріятной болтовнѣ, въ веселомъ смѣхѣ, обмѣнивались разнаго рода нѣжностями ⁴⁾. Если ночью имъ почему-либо не спалось, они опять сходились вмѣстѣ, „но не для всеночныхъ“ бдѣній, замѣчаетъ Златоустъ, а для того, чтобы понѣжничать другъ съ другомъ въ постелѣ и поболтать. Если дѣва вдругъ дѣлалась больна, мужчина ухаживалъ за ней съ предупредительностію подруги и не стыдился въ этомъ случаѣ исполнять для нея всякую службу, болѣе приличную служанкамъ ⁵⁾. Кажется случалось, что такіе сожители, нисколько не стѣсняясь, жили въ одной комнатѣ вмѣстѣ ⁶⁾. Въ сердцахъ сожительствующихъ нерѣдко зажигалось пламя ревности, какъ бы они были мужемъ и женой или нѣжно-влюбленными ⁷⁾. Ктонибудь взглянетъ на подругу его, и тотчасъ чело сожителя кмурится, злоба закрадывается въ его сердце ⁸⁾. Въ обществѣ ходили различные худые слухи касательно такихъ сожительствующихъ; мужчинъ такого рода называли сластолюбцами, льстецами, женскими угодниками ⁹⁾; а дѣвъ, говорить Златоустъ, называли „не сestroю“ сожителя и „не супругою“, а именемъ, которое проповѣдникъ считалъ не приличнымъ повторять. Многіе въ обществѣ осуждали такое сожителство хуже прямого прелюбодѣянія ¹⁰⁾. Самъ Златоустъ позволяетъ себѣ слѣдующій рѣзкій отзывъ

1) Тамъ же, 262.

2) Тамъ же, 258.

3) Тамъ же, 248.

4) Тамъ же, 249.

5) Тамъ же, 287.

6) Тамъ же, 261.

7) Тамъ же, 288.

8) Тамъ же, 263.

9) Тамъ же, 255.

10) Тамъ же, 275.

о мужчинахъ разбираемаго сорта: „ужь если выбирать изъ двухъ золь, говорилъ онъ про нихъ, то я предпочитаю такимъ клирикамъ, какъ эти, сводней открытаго разврата. Эти несчастные лишены врачеванія, пагубное ремесло осуждаетъ ихъ на погибель, но клирики, о которыхъ говоримъ, пребываютъ у самаго источника душевнаго здравія, а между тѣмъ не только живутъ въ мерзости разврата, но и посѣваютъ его среди добрыхъ“¹⁾. Въ видахъ устранения неблагоприятныхъ слуховъ о нихъ, дѣвы приказывали ежедневно приходять къ себѣ повивальнымъ бабкамъ, чтобы свидѣтельствовать ихъ и удостовѣрять, что онѣ остаются не растлѣнными. Чуть ли не было это какимъ нибудь церковнымъ правиломъ. Не всѣ однако же соглашались на такой позорный осмотръ: однѣ соглашались, а другія рѣшительно—нѣтъ. Златоустъ замѣчаетъ, что иногда случалось, что такія дѣвы становились однако матерями²⁾. По свидѣтельству Златоуста въ средѣ сожительствующихъ распространень былъ довольно странный обычай, по которому женщина не принимала на-единѣ у себя другихъ женщинъ, а мужчина—постороннихъ мужчинъ³⁾.—Такъ было на Востокѣ, въ Константинополѣ, тоже было въ концѣ IV вѣка на Западѣ, въ Римѣ. Объ этомъ находимъ свидѣтельство у Иеронима. Этотъ церковный учитель, изобличая различные безпорядки въ римскомъ клирѣ, между прочимъ вооружается и противъ сожитія съ субъинтродуктами. Онъ называетъ это явленіе „язвой церкви“, дѣвственницъ подобнаго рода „женами безъ брака“. „Пребываютъ мужчина и женщина въ одномъ домѣ, пишетъ Иеронимъ, въ одной спальнѣ, часто на одной постелѣ“. Предлогомъ такого сожительства поставлялось „духовное утѣшеніе“⁴⁾.

Церковь, какъ мы видѣли, принимала мѣры въ борьбѣ съ этимъ зломъ⁵⁾, но проходитъ не мало времени, прежде чѣмъ

1) Тьерри. Св. Іоаннъ Златоустъ и импер. Евдоксія. Перев. съ франц. Стр. 23 (Изъ Палладія). Моск., 1884.

2) Твор. его. Тамъ же, стр. 271.

3) Тамъ же, 288.

4) Творенія блаж. Иеронима въ русск. переводѣ. Т. I. (Письма), стр. 112—113. (Письмо къ Евстохію).

5) Приблизительно до конца VI в. явленіе встрѣчалось повсюду. Асхелис говорить: „едва ли найдешь хоть одну церковную область, гдѣ не

оно было искоренено. На Востокѣ зло встрѣчалось даже въ VI вѣкѣ. Существуетъ одна новелла Юстиніана, которою, подобно третьему правилу I всел. собора, воспрещалось холостымъ и вдовымъ священникамъ, діаконамъ и ѱподіаконамъ держать у себя въ домѣ подозрительныхъ женщинъ ¹⁾. Нужно полагать, что новелла имѣла свой *raison d'être*. На Западѣ сожитіе съ субъинтродуктами встрѣчаемъ даже въ IX вѣкѣ ²⁾. Къ искорененію этого обычая на Востокѣ послужило то, что ввелось въ обыкновеніе, чтобы клирики вступали въ бракъ еще до посвященія въ духовный санъ. А на Западѣ обычай держать субъинтродуктъ перешелъ въ простой конкубинатъ.

Оканчивая нашу слишкомъ затянувшуюся рѣчь, вызванную анализомъ опредѣленія собора Антиохійскаго III-го вѣка по поводу Павла Самосатскаго и его нравственнаго характера, мы должны замѣтить еще, что соборное опредѣленіе, осуждающее Павла Самосатскаго за различныя преступленія и заблужденія, даетъ знать, что и подчиненное ему духовенство въ антиохійскомъ округѣ, вело жизнь далеко не безукоризненную ³⁾. Значитъ клиръ антиохійской церкви во 2-ой половинѣ III-го вѣка былъ довольно сильно деморализованъ.

А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

было бы синисактиама. Его встрѣчаемъ въ Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ, Константинополь, Фригіи, Персіи; а также въ Римѣ, въ Африкѣ, Галліи, Испаніи, даже въ Ирландіи. Это было—обыкновеніе, замѣчаетъ авторъ, которое составляло отличительную особенность древней церкви" (*Acheliv. Virgines subintroductae. S. 59—60. Leipz. 1902*). Но только нужно помнить, что не клирики его ввели, и далеко не одни лица духовныя были въ немъ повинны.

¹⁾ Heinichen. Commentarii, p. 719 (Novella CXXXIII, Cap. 23).

²⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. III, 747, Freib., 1877.

³⁾ Соборное посланіе упоминая о субъинтродуктахъ епископа антиохійскаго Павла, затѣмъ добавляетъ о его пресвитерахъ и діаконахъ, что „Павелъ помогалъ имъ скрывать и этотъ (сожитіе съ дѣвственницами) и другіе смертные грѣхи“ Евсев. VII, 30.